

RU

Бытийная семантика соматической метафоры в поэтической картине мира начала XX века

Гущина К. Н.

Аннотация. Данная статья посвящена анализу специфики конструирования телесной метафоры как одной из ключевых черт поэтической модели мира начала XX века и способам надления ее онтологическим статусом. В связи с этим цель настоящего исследования – проанализировать структуру телесной метафоры, раскрыв ее бытийную семантику в поэтическом контексте. Объектом научной рефлексии стали два ведущих прогрессивных направления в поэтической культуре Серебряного века – модернизм, в частности, акмеизм и авангард. Выбор литературных школ обусловлен общностью культурного поля и эстетических установок. В статье выявляются ключевые принципы конструирования телесной метафоры. Научная новизна настоящего исследования заключается во впервые предпринятой попытке анализа структуры телесной метафоры посредством выявления основополагающих художественных принципов и приемов ее моделирования в поэтических произведениях начала XX века. В результате исследования установлено, что тело и телесность в лирике исследуемых поэтов являются основной образорождающей и миромоделирующей метафорой и «мерилом» всего поэтического пространства. Телесная метафора реализуется в сквозных метафорических линиях, при которых тело соотносится с природой (живой и неживой), пространством, едой, вещным и предметным миром. Ключевой принцип репрезентации телесной метафоры реализуется посредством тотальной аналогии, согласно этому принципу, все имеет телесную аналогию. Данное явление нашло свое воплощение в метаморфизме как ведущему принципу конструирования поэтической картины мира, который, в свою очередь, и определил специфику вербализации соматосферы. С помощью данных процессов телесная метафорика продуцирует онтологическую семантику и становится ключевым компонентом в поэтическом универсуме.

EN

The existential semantics of the somatic metaphor in the poetic picture of the world in the early 20th century

K. N. Gushchina

Abstract. The article is devoted to the analysis of the specifics of constructing a bodily metaphor as one of the key features of the poetic model of the world in the early 20th century and the ways to endow it with an ontological status. Therefore, the research aims to analyze the structure of the bodily metaphor, shedding light on its existential semantics in the poetic context. The object of scientific reflection is two leading trends in the poetic culture of the Silver Age – acmeism and the avant-garde. The choice of literary schools is determined by the commonality of the cultural field and aesthetic attitudes. The article identifies the key principles of constructing a bodily metaphor. The scientific novelty of the study lies in the first attempt to analyze the structure of bodily metaphor by identifying the fundamental artistic principles and techniques of its modeling in the poetic works of the early 20th century. As a result of the study, it was found that the body and physicality in the lyrics of the studied poets is the main image-affirming and world-modeling metaphor and the “measure” of the entire poetic space. The bodily metaphor is realized in end-to-end metaphorical lines, in which the body correlates with nature (living and inanimate), space, food, the material and objective world. The key principle of the representation of the bodily metaphor is realized through total analogy, according to which everything has a bodily analogy. This phenomenon found its embodiment in metamorphism as the leading principle of constructing a poetic picture of the world, which, in turn, determined the specifics of the verbalization of the somatosphere. With the help of these processes, the bodily metaphor produces ontological semantics and becomes a key component in the poetic universe.

Введение

Начало XX века в русской культуре, в том числе в культуре поэтического слова, ознаменовано сменой художественной парадигмы. Новая природа художественного мышления обнаружила себя в особом отношении авторского сознания и эстетического объекта, а также их статуса в художественном произведении; освоение поэзией новых лексико-стилистических сфер, расшатывание структурных рамок стиха, – все это продуцировало формирование новой поэтической системы, в которой одну из ключевых ролей играет телесность и телесная метафорика.

Актуальность выбранной темы исследования обусловлена недостаточной степенью изученности такого важного аспекта построения поэтической картины мира лирики начала XX века, как соматосфера. Необходимо отметить, что под соматосферой понимаем более узкое, локальное понятие, чем телесность, означающее структурно организованное единство телесной топики и обоснованное автором статьи в монографии, посвященной изучению поэтики телесности в творчестве В. Нарбута (Гущина, 2023).

В контексте происходящих изменений подверглась кардинальным изменениям традиционная дихотомия «дух – тело»: в поэзии начала XX века данная оппозиция стала важным репрезентантом, отражающим новые философские и культурные тенденции. Одна из таких тенденций заключается в установке на телесную оформленность, «оплотнение» бесплотных, абстрактных образов.

В работе, согласно цели исследования, реализуются следующие задачи: выделить ключевые телесные образы, организующие соматосферу анализируемых поэтических текстов; определить их семантику и функциональную значимость в поэтическом контексте.

В качестве основного материала исследования послужило лирическое творчество А. Блока, А. Ахматовой, А. Крученых, О. Мандельштама, С. Есенина, М. Цветаевой, В. Маяковского, В. Нарбута, М. Зенкевича, А. Мариенгофа, Д. и Н. Бурлюков и др. Однако в настоящей статье в качестве цитаты используются фрагменты лирических произведений, наиболее репрезентативных с точки зрения представленности в них категории телесности:

- Блок А. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. / под ред. М. Л. Гаспарова и др. М.: Наука, 1999. Т. 5. Поэмы и стихотворения. 1917-1921.
- Зенкевич М. А. Сказочная эра. Стихотворения. Повесть. Беллетристические мемуары. М.: Школа-Пресс, 1994.
- Мандельштам О. Э. Слово и культура: статьи. М.: Советский писатель, 1987.
- Мариенгоф А. Стихотворения и поэмы. СПб.: Академический Проект, 2002.
- Маяковский В. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. Т. 1. 1912-1917.
- Нарбут В. И. Стихотворения / вступ. ст., сост. и примеч. Н. Бялосинской и Н. Панченко. М.: Современник, 1990.
- Шершеневич В. Стихотворения и поэмы. СПб.: Академический Проект, 2000.

В настоящей работе мы ориентируемся на принцип системного подхода к анализу художественного текста, а также на сочетание контекстного и структурного методов анализа.

Теоретическую базу статьи составляют научные труды в области теории метафоры Н. Д. Арутюновой (1990), поэтики художественных произведений С. Н. Бройтмана (2004), исследования в области отдельных аспектов поэтики М. М. Бахтина (2024), В. Н. Топорова (1987), Й. Хейзинги (1992), определяющие категориально-понятийный аппарат дискурса телесности в художественном тексте.

Практическая значимость представленного исследования заключается в использовании материалов и результатов проведенной исследовательской работы в школьном и вузовском курсах истории литературы XX века, а также в спецкурсах и научных семинарах, посвященных изучению поэтики лирики Серебряного века.

Обсуждение и результаты

Модернисты осмысливали телесный опыт бытия посредством страдания и экзистенциального поиска, рассматривали тело как вместилище бессознательных желаний и страхов. В символистской лирике тело становится символом чувственности, красоты и страсти, что размывает границы между духом и телом. Женские голоса в поэзии начали акцентировать внимание на теле как объекте социального контроля и самовыражения, исследовали тему телесности через призму женского опыта. Следовательно, выражаясь словами А. Блока, «глубинные изменения в мире социальном, в мире духовном и в мире физическом» (1999, с. 10) нашли свое выражение и в художественном опыте словесного творчества, при котором, согласно бройтмановской концепции, «стихи, предметы и природа являются в равной мере действующими лицами» (Бройтман, 2004, с. 287). Такой вектор развития словесного образа оказался запечатленным в принципиально ином подходе как к моделированию поэтического высказывания в целом, так и метафорического уровня в частности. Данные изменения в глубинной структуре художественного текста в специальной литературе объединены таким словесным знаменателем, как «поэтика смыслового сдвига». Многие поэты начали оспаривать традиционные представления о духе как высшей сущности. Вместо этого они подчеркивали важность физического опыта и материальности, что отражало изменения в обществе и культуре.

Вместе с тем научные изыскания в антропологической сфере, стремительный научный и технологический рост, расширение взгляда на человека и его телесное существование с позиции естественно-научных сфер, опыт, полученный в результате войн и военных конфликтов первой трети XX века сформировали новый взгляд на тело, телесность и телесно-физиологическое бытие человека и, как следствие, «новое художественное зрение» (Дзущева, 1993, с. 10): «Ни в одну из эпох взгляды на сущность и происхождение человека не были столь ненадежными, неопределенными и многообразными, как в нашу эпоху – длительное, углубленное занятие проблемой человека дает автору право на такое утверждение» (Шелер, 2024). Русское поэтическое мировоззрение активно восприняло и осмыслило опыт, открывшийся в русле исторических событий, представлений о человеке в новой меняющейся поэтической парадигме.

Одним из ключевых принципов моделирования поэтического хронотопа рубежа XIX–XX веков становится принцип *тотальной аналогии и ассоциации*, «ибо непреложно доказано превращение одних элементов в другие» (Войно-Ясенецкий, 2022, с. 7). В особенности этот принцип присущ русскому поэтическому авангарду – футуризму и «неклассическим» акмеистам. Историко-литературный генезис такого преобразования русской поэтической системы С. Н. Бройтман в исследовании по теории литературы объясняет мировоззренческой «ломкой», случившейся в данном временном культурном контексте. Эту гипотезу исследователь связывает с глобальными онтологическими изменениями статуса творящего субъекта, или *двуединства* («дипластии»), «я – другой» (Бройтман, 2004, с. 223). В аспекте поэтики телесности это воплотилось в особом ассоциативном изоморфизме и трансформизме тела человека и окружающего мира, «оба этих начала воспринимаются как связанные причинно-следственными отношениями и выводимые одно из другого» (Бройтман, 2004, с. 223).

Данное явление отразилось в метафорической структуре, которая способствует корреляции объектов разной природы с телом. В творчестве русских поэтов анализируемого периода такая форма репрезентации телесной метафоры оказывается подчиненной закону так называемого поэтического тождества, или, как было сказано выше, тотальной аналогии, суть которой зафиксирована в поэтической формуле О. Мандельштама: «А = А. Какая прекрасная поэтическая тема» (1987, с. 172). Примечательно, что в телесном модусе поэтики лирики поиск «новых познавательных аналогий и ориентиров» (Сухих, 2024, с. 10) не всегда предполагает наличие объектов, подлежащих отождествлению и сопоставлению. Такой феномен позволяет предположить наличие противоположных тенденций в соматосфере лирики – отелеснивание, или соматизация, внешнего физического мира (явлений живой и неживой природы) и вегетация телесного. Иными словами, образы человеческого тела наделяются растительной и/или зоологической соотнесенностью. Вегетация стала метафорой жизненных процессов, роста и изменения, а также выразителем внутренних переживаний человека. Образ природы в поэтике художественной модальности «эмансипируется» (согласно С. Н. Бройтману), а следовательно, может рассматриваться не только как фон для человеческих переживаний, но и как субъект. Это привело к более глубокому пониманию взаимосвязи между человеком и окружающим миром.

В то же время предметный универсум стремится к антропоморфным параметрам существования, подразумевающим исследование человека как неотъемлемой части природы, акцентирование внимания на физическом существовании человека, его связи с землей и окружающей средой, поэтому тело человека, его части и различные аспекты его бытия становятся ключевым измерителем и выразителем художественной реальности. Таким образом, соматический модус поэтики лирики реализуется в ключевых метафорических моделях – «тело-земля», «тело-растение», «тело-животное», «тело-пища», «тело-вещь/предмет», «тело-пространство (топос)».

Антропологизация и антропоморфизация также охватывали исследование человеческой культуры, традиций и обычаев, поэтому для поэтики художественных произведений характерно использование элементов фольклора и мифологии для создания образов, которые подчеркивали связь человека с его корнями. Ввиду этого соматосфера лирики исследуемого периода отличается мифосимволической функциональной направленностью, которая позволяет рассматривать тело и телесность как знак, выражающий более глубокие философские, культурные и духовные идеи.

В поэзии тело часто ассоциируется с жизненной энергией, страстью и физическим существованием, но одновременно оно может символизировать бренность и уязвимость. Такая семантическая амбивалентность встречается, например, в лирике А. Ахматовой и О. Мандельштама. Образ тела нередко соотносится с природой и её циклами. В этом контексте тело становится частью большого космического порядка, символизируя единство человека и природы, которое характерно для лирики М. Цветаевой. Посредством телесной метафоры могут быть выражены культурная идентичность и принадлежность, национальное самосознание и историческая память, как это представлено, например, в лирике А. Блока и С. Есенина. Таким образом, текстовая репрезентация телесной метафоры основывается на приемах свободной панмиксии, то есть один кумулятивный образный ряд объединяет в себе объекты разной природы, поэтому в лирическом сюжете нередко изображение внешнего мира может быстро переключаться на внутренний мир субъекта. Одновременно с этим вещно-предметные атрибуты бытия наделяются соматическими и физиологическими характеристиками.

В. Н. Топоров (1987, с. 279–280) вычленил две модели изображения тела в тексте – экстенсивную и интенсивную. Согласно экстенсивной модели, органам человеческого тела характерно соответствие онтологическим образам (горным хребтам, равнинам, небесным светилам и другим астрономическим объектам, водоемам и др.) и ключевым четырем стихиям (воздуху, воде, огню, земле), например, *солнце – глаз – зрение; уши – стороны света – ориентация; кровь – реки – жизненная сила; кости – камень – крепость/здоровье* и т. п. Интенсивная же модель демонстрирует концентрацию, «сгущение» тела, которое становится самодостаточной реальностью,

находящей свое выражение в чрезмерности натуралистических подробностей и деталей. Яркий пример – творчество таких поэтов, как В. Маяковский, В. Шершеневич, Д. и Н. Бурлюки, В. Нарбут, А. Крученых, чья поэтика тела демонстрирует нарочитое нагромождение соматических образов, которые становятся самодовлеющей реальностью.

В авангардистской поэтике телесная образность может подвергаться намеренной деформации. Однако «гротесковая деформированность соматосферы» поэтики В. Маяковского соотносится с карнавальными образами «смешанного тела», с эстетикой «неготового», находящегося в процессе становления или распада бытия. Деструктивный взгляд на мир, свойственный авангардистской эстетике, образы «смешанного тела», эстетика «неготового», находящегося в процессе становления или распада бытия обусловлены невозможностью «рационального воссоздания целого, абсолюта».

Олицетворение и антропоморфизация также оказываются способами репрезентации телесной метафоры с большим эстетическим потенциалом в одушевлении природных явлений, наделении их антропоморфными параметрами (телесно-физиологическими, маркерами невербальных человеческих проявлений, внутренними эмоциональными человеческими характеристиками). Человек и природа (живая и неживая) сопоставляются и становятся полноправными феноменами поэтической реальности, «порождением единой стихии жизни» (Бройтман, 2004, с. 287). Вот что, к примеру, можно обнаружить у В. Шершеневича в стихотворении «Лирическая конструкция»:

*На пальцах проспектов построек заусеницы,
Сжата пальцами плотин, как женская глотка, вода,
И объедают листву суеверий, как гусеницы,
Извиваясь суставами вагонов, поезда... (2000, с. 112).*

С одной стороны, так называемый принцип художественной модальности и концепции неготового мира, характерные для художественного миромоделирования рубежного периода, пытаются фрагментировать телесность, чтобы обрести целостность в том числе посредством такой скрепы, как человеческое тело. С другой – урбанистические объекты и природа – эквивалентные друг другу, самостоятельно существующие феномены, рядоположенные и перемешанные в едином поэтическом ряду, «возвращенные в состояние исходного синкретизма» (Бройтман, 2004, с. 287). Из внутренней структуры телесной метафоры уходит сравнительный компонент (*на пальцах проспектов, суставами вагонов, пальцами плотин*), то есть сама грамматика метафорических конструкций исключает идею «имплицитного противопоставления», которое, согласно Н. Д. Арутюновой (1990, с. 5-32), несет в себе традиционная языковая метафора. «Грамматические сигналы» указанных выше словосочетаний имплицитно наделены равными правами существования, то есть телесность становится неотъемлемым свойством объекта иной природы. И наоборот, у В. Нарбута в «Людской повести» встречаются следующие строки:

*и грудь – пустое дупло,
хоть руку засунь по локоть... (1990, с. 161).*

Как видно из примера, интеграция двух разноприродных образов – телесного (грудь) и растительного (дупло) воплощают в метафорическую линию «тело-растение». При этом вегетативный семантический эквивалент с эпитетом *пустое* (*пустое дупло*) явно указывает на сложное когнитивное устройство самой метафоры. Традиционно мыслится, что такое душевное состояние человека, как пустота, связывается с образом *сердца* и локализуется в области физического расположения данного органа. Но сама характеристика *пустое* привязана не к соматизму, а к его образному вегетативному аналогу – *дупло*. Физическое в данной метафоре становится репрезентантом эмоционального. В контексте этого отсутствия семантики выраженного сравнительного компонента (к примеру, союза *как*) делает сложно различимыми иерархические позиции предметов сравнения: *грудь* и *дупло* оказываются равнозначными членами метафоры, между которыми устанавливается семантическая эквивалентность. Таким образом, телесная метафора являет собой целокупность «психологического суждения» о мире и восприятия всего в нем как живого существа с присущей ему конкретно-чувственной экзистенцией. Поэтому лирический сюжет демонстрирует результат порождающего стимула – объекты, предметы и вещи, природа, существующие в телесном измерении, становятся своего рода действующими субъектами.

Абстрактные образы олицетворяются и «оплотняются» в структуре телесной метафоры посредством приемов персонификации и олицетворения. Й. Хейзинга связывает антропоморфную материализацию бесплотных объектов с креативным потенциалом синкретического мифопоэтического мышления: «Олицетворение бесплотного или безжизненного – душа всякого мифотворчества и почти всегда поэзия. <...> Вообразить воспринимаемое в виде живого существа – и означает выразить его на самом первичном уровне. Это происходит, как только возникает потребность сообщить о воспринимаемом кому-то еще. Представление рождается как воображение» (1992, с. 156). Иными словами, в результате семантической «разгерметизации» образов человеческого тела и неодушевленных объектов порождается неординарность, например, в стихотворении «Разочарование» А. Мариенгоф, описывая Петербург, прибегает к следующей метафоре:

*Ах, с каждым днем растут колонны
Прозрачных выпуклых висков
И все редет и белеет незавивающийся плющ
Волос (2002, с. 107).*

Сравнительный соматический компонент метафоры («*выпуклые виски*», «*незавивающийся плющ волос*») наделяет образ монструозной коннотацией и позволяет говорить о космогоническом характере образа. Так, И. А. Кребель в научном труде «Мифопоэтика Серебряного века» отмечает, что «слово есть обретаемый

топос – обжитое место, смысл которого эксплицирован из естественной простоты слов, из единства быта и бытия, из интензива усилий мастера, из мира как живого космоса» (2010, с. 289), следовательно, метафора тела, определяющая образный ряд способствует переходу бытового плана в бытийный.

В структуре телесной метафоры, основанной на персонификации или олицетворении, может наблюдаться нарушение или полное отсутствие логической связи между олицетворенным денотатом и образом-ассоциатором. Подобное явление репрезентативно представлено, например, в стихотворении В. Нарбута «Ворожба»:

Слепая ночь за синей прялкой

Разматывает тополя.

(От сырости) белесым жабы

Пришлепывают животом (1990, с. 247).

Отсутствие непосредственной связи между предметами сопоставления (*ночь – прялка – тополя / жабы – живот*) в структуре развернутой метафоры компенсируется развертыванием дальнейшего образного ряда, нагромождением и повтором аллитерационных звукокомплексов (*с-п-сп-пр; л-лк*), нагнетанием физиологической экспрессии («*пришлепывают животом*»), искажением грамматики образного сочетания («*белесым жабы*»). Следовательно, структура телесной метафоры мотивирована не логическим допущением возможной связи предметов и/или лирического события, а на нерациональном ассоциативном типе соотношенности, который С. Н. Бройтман называет «бытийно-субъектным».

Так, в произведении В. Маяковского «Гимн ученому» представлен в стихотворении:

Просочится солнце в крохотную щелку,

как маленькая гноящаяся ранка,

и спрячется на пыльную полку,

где громоздится на банке банка (1955, с. 78).

Процесс антропоморфизации природных объектов, например, *солнца*, порой затрагивает глубинные структуры лингвокреативного мышления. Он позволяет объединять личные и социальные аспекты, служит своеобразным «инструментом» исследования сложных отношений между индивидуумом и обществом, любовью и революцией, физическим и духовным. Олицетворение неодушевленных объектов макромира посредством образов человеческого тела и физиологических черт телесности репрезентует образ «единой живой плоти» мира.

Достаточно часто телесная метафора служит средством выражения и раскрытия остросоциальных тем – революции или гражданской войны, а также посредством персонификации зачастую организуется образный ряд поэтических произведений, раскрывающих тему творчества, поэта и поэзии.

В творчестве поэтов – ярких представителей анализируемой историко-литературной эпохи – выделяется ряд синкретических образов, построенных на метафоре тела, интегрирующей соматическое и пространственное, как можно наблюдать, например, у А. Мариенгофа в стихотворении «Анатолеград»:

Из городов в серебряных рек вены

Вливается кровь падучая... (2002, с. 87).

Поэтическая ассоциация *рек с венами*, а речной воды с *кровью* в принципе восстановима. В то же время очень сложно разграничить в грамматической конструкции метафоры иерархию ключевых денотатов, вероятно, потому, что эта связь и не предполагается. Тело в таком метафорическом контексте становится эквивалентом пространству, обретая объективные формы бытия. Все образные компоненты образуют единый онтологический фон.

В других случаях авторы используют более традиционный ассоциативно-образный синтез природного и телесного, объединяющегося в метафорической линии сочетанием неодушевленного существительного (*полдень*) и антропогенных глаголов (*лечь, дышать*):

А полдень льет и льет, дыша огнем,

в мимозу узловатую лучи... (Нарбут, 1990, с. 219), –

а также неодушевленного существительного (*простыня*) и антропоморфной характеристики, выраженной причастием (*дышащая*):

Намеками прозрачных складок

Чуть дышащая простыня (Зенкевич, 1994, с. 144).

Негерметичность тропов, то есть их не замкнутость на себе и способность перетекать друг в друга, порождают эффект «остранения», который рассчитан на затруднение прочтения, фиксацию внимания, разрушение автоматизма восприятия текста. Подобная многомерность поэтического высказывания, его смысловая концентрация вызваны в том числе поэтическим характером слова, его возрастающей самоценностью, открытостью к другим образам стихотворного ряда.

Заключение

Итак, словесно-эстетическое осмысление поэтики телесности и соматосферы, в частности в структуре поэтического высказывания, продуцирует особого рода телесную метафорику, позволяет художественно отразить взаимодействие между физическим и нематериальным планом художественной картины мира. В поэтических произведениях поэтов начала XX века (А. Блока, А. Ахматовой, М. Цветаевой, В. Маяковского, В. Нарбута, М. Зенкевича, А. Крученых, Д. и Н. Бурлюков, А. Мариенгофа, В. Шершеневича и др.), в особенности авангардных течений (футуристов – В. Маяковского, Д. и Н. Бурлюков, А. Крученых, некоторых акмеистов –

В. Нарбута, М. Зенкевича и имажинистов – А. Мариенгофа, В. Шершеневича), обращение к поэтическому осмыслению телесной сферы и телесно-физиологического существования человека привело к тому, что тело, его анатомия и физиология становятся «мерилом» всех других художественных универсалий – небесных светил, природных стихий и явлений, абстрактных объектов, мифологем, объектов предметно-вещного мира.

В поэтическом образе «телесное слово» в силу своей специфики – самостоятельно существующий феномен, не замкнутое в себе самое выступает своеобразным триггером к словесно-образному изоморфизму и трансформизму, которые делают тело и телесность в лирике основной образотворяющей доминантой и миромоделирующей метафорой и «мерилом» всего поэтического пространства. Телесная метафора реализуется в сквозных метафорических линиях, при которых тело соотносится с природой (живой и неживой), пространством, едой, вещным и предметным миром.

Поэтическое слово также подвергается соматизации, или «оплотнению»: язык тела функционирует на стыке разнородного дискурса – поэтического, философского, медицинского и естественнонаучного. В структуре сквозной ключевой метафоры «тело-мир» нарушается герметичность границ между прямым и переносным значением, функциональным потенциалом простого и тропеического слов, а следовательно, и компаративным, бытовым и бытийным планами.

Метаморфизм – основной принцип миромоделирования, определивший как специфику языковой и метафорической репрезентации, так и онтологической соматической метафоры.

В качестве перспективы исследования можно назвать дальнейшее изучение поэтики телесности, способы репрезентации данной категории в лирическом произведении, а также другие аспекты поэтической модели мира, такие как субъектная организация, формы авторского присутствия, проблемы атрибуции поэтических текстов, примыкающие к теме данного исследования и открывающие дальнейшие перспективы развития темы телесной сферы поэтики.

Источники | References

1. Арутюнова Н. Д. Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990.
2. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Азбука, 2024.
3. Бройтман С. Н. Историческая поэтика // Теория литературы: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: в 2 т. / под ред. Н. Д. Тамарченко. М.: Академия, 2004. Т. 2.
4. Войно-Ясенецкий В. Ф. Дух, душа и тело: избранные поучения / свт. Лука (Войно-Ясенецкий), архиеп. Симферопольский и Крымский. Изд-е 9-е. М.: ДАРЪ, 2022.
5. Гущина К. Н. Поэтика телесности в лирическом творчестве Владимира Нарбута: монография. Астрахань: Издательство АГТУ, 2023.
6. Дзуцева Н. В. М. Цветаева и А. Ахматова (К проблеме типа поэтического сознания) // Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные искания XX века: межвузовский сборник научных трудов. Иваново: ИВГУ, 1993. Вып. 1.
7. Кребель И. А. Мифопоэтика Серебряного века: опыт топологической рефлексии. СПб.: Алетей, 2010.
8. Сухих И. Н. Структура и смысл: теория литературы для всех. М.: Азбука, 2024.
9. Топоров В. Н. Заметки по реконструкции текстов. Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте // Исследования по структуре текста / под ред. Т. Цивьян. М., 1987.
10. Хейзинга Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня. М.: Прогресс-Академия, 1992.
11. Шелер М. Человек и история. 2024. http://anthropology.rchgi.spb.ru/sheler/sheler_s1.htm

Информация об авторах | Author information

Гущина Ксения Николаевна¹, к. филол. н.

¹ Астраханский государственный технический университет

Ksenia Nikolaevna Gushchina¹, PhD

¹ Astrakhan State Technical University

¹ k.churzina@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 15.08.2024; опубликовано online (published online): 26.09.2024.

Ключевые слова (keywords): категория телесности; телесная метафора; поэтический авангард; соматосфера; метафорическая модель поэтической картины мира; category of physicality; bodily metaphor; poetic avant-garde; somatosphere; metaphorical model of a poetic picture of the world.